ДОНЪ-АМИНАДО

ДЫМЪ БЕЗЪ ОТЕЧЕСТВА

ПАРИЖЪ
1921

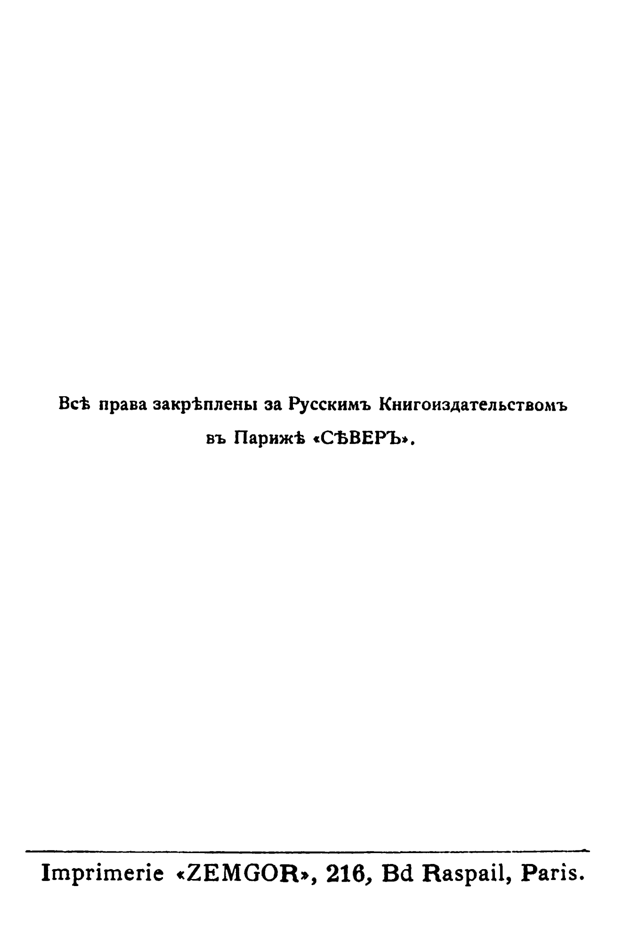
ДОНЪ-АМИНАДО

ДЫМЪ БЕЗЪ ОТЕЧЕСТВА

ПАРИЖЪ

1921

Imprimerie «ZEMGOR», 216, Bd Raspail, Paris.

I.

Къ звѣздамъ! и обратно.

О ПТИЦАХЪ.

Одно въ этомъ мірѣ для меня несомнѣнно:

Погубили насъ — птицы.

Буревѣстники. Чайки. Соколы и вороны. Пѣтухи, поющіе предъ зарей. Несуществующіе, самымъ безстыднымъ образомъ выдуманные альбатросы. Рѣющіе, непремѣнно рѣющіе, кречеты. Умирающіе лебеди. Злые коршуны и сизые голуби. И, наконецъ, раненые горные орлы: царственные, гордые и непримиримые.

«Сижу за рѣшеткой, въ темницѣ сырой.
«Вскормленный на волѣ орелъ молодой...»

Что-жъ тутъ думать! Обнажили головы, тряхнули шевелюрами и потянулись къ рѣшеткѣ: стройными колоннами, сомкнутыми рядами и

всѣмъ обществомъ попеченія о народной трезвости.

Впрочемъ, и время было такое, что ежели, скажемъ, гимназистъ четвертаго класса отъ скарлатины умиралъ, то вся гимназія пѣла:

«Вы жертвою пали въ борьбѣ роковой...»

Очень ужъ были мы чуткіе, да и отъ орловъ, какъ помѣшанные, ходили.

Обитали орлы, преимущественно, на скалахъ и промышляли тѣмъ, что позволяли себя ранить: прямо въ сердце, или прямо въ грудь и, непремѣнно, стрѣлой.

Въ случаяхъ, особенно торжественныхъ, стрѣлы, по требованію публики, пропитывались смертельнымъ ядомъ.

Этой подлости не выдерживали и самыя закоснѣлыя сердца.

Орелъ взмахивалъ могучими крыльями, ронялъ кровавые рубины въ зеленый долъ, описывалъ столько круговъ, сколько ему полагалось. и... падалъ.

Нужно-ли добавлять, что падалъ онъ не просто, а: какъ подкошенный.

Исторія съ орлами продолжалась долго, и неизвѣстно, когда-бы она кончилась, если бы не явился самый главный — съ косымъ воротомъ и безумствомъ храбрыхъ.

Откашлялся и нижегородскимъ баскомъ грянулъ:

«Надъ сѣдой пучиной моря
«Гордо рѣетъ буревѣстникъ,
«Черный, молніи подобный...»

Всѣ такъ и ахнули.

И, дѣйствительно, птица — первый сортъ, и рѣетъ, и взмываетъ, и, вообще, дѣло дѣлаетъ.

Пили мы Калинкинское пиво, ѣздили на Воробьевы горы и, косясь на добродушныхъ малиновыхъ городовыхъ, сладострастнымъ шопотомъ декламировали:

«Имъ, гагарамъ, недоступно
«Наслажденіе битвой жизни...»

И, рыча, добавляли:

«Громъ ударовъ ихъ пугаетъ...»

Но случилось такъ, что, именно, гагары-то и одолѣли.

Тогда вмѣсто Калинкинскаго пива стали употреблять растворъ карболовой кислоты, ціанистый калій, стрѣляли въ собственный правый високъ, оставляли на четырнадцати страницахъ письма къ друзьямъ, и говорили: насъ не понимаютъ, Европа — Мараа.

Вотъ, въ это-то самое время и явились:

Самый зловѣщій, какой только былъ отъ сотворенія міра, Воронъ и бѣлая чайка, птица упадочная, непонятая, одинокая.

Воронъ каркнулъ: —Nevermore ! — и сгинулъ.

Персонажъ онъ былъ заграничный, обидчивый и для мелодекламаціи не подходящій.

Зато, чайка сдѣлала совершенно головокружительную карьеру.

Дѣвушки съ надрывомъ, съ поволокой въ глазахъ, съ неразгаданной тоской, дѣвушки съ орхидеями и съ трагической улыбкой, — хрустѣ-

ли пальцами, скрещивали руки на худыхъ колѣняхъ и говорили:

— Хочется сказки... Хочется ласки... Я — чайка.

Потомъ, взяли и выдумали, что Коммиссаржевская — чайка, и Гиппіусъ — чайка, и чуть-ли не Максимъ Ковалевскій — тоже чайка.

«Вотъ, вспыхнуло утро. Румянятся воды.
«Надъ озеромъ бѣдная чайка летитъ»...

А, по совѣсти сказать, такъ болѣе прожорливой, ненасытной и наглой птицы, чѣмъ эта самая бѣдная чайка, и природа еще не создавала.

Однако, поди-жъ ты... Лѣтъ семь-восемь спасенія отъ чаекъ не было.

Изрѣдка только, вотрется какой-нибудь заштатный умирающій лебедь или Синяя птица, или залетятъ ненарокомъ осенніе журавли, — покружатъ, покружатъ и улетятъ во-свояси.

А настоящаго удовольствія отъ нихъ не было.

Ахъ, какъ прошумѣли, промчались годы! Какъ быстро промелькнули десятилѣтія! Какой страстной горечи исполнены покаянія. Дорогой

цѣной заплатили мы за дикихъ утокъ, за синихъ птицъ и за орловъ, и за кречетовъ, и за соколовъ, и за вороновъ, и за бѣлыхъ чаекъ, а, наипаче, за буревѣстниковъ.

Былъ мужикъ, а мы — о граціи.
Былъ навозъ, а мы — въ тимпанъ!
Такъ отъ мелодекламаціи
Погибаютъ даже націи,
Какъ бурьянъ.

У ВРАТЪ ЦАРСТВА.

Все опростали. И все опростили.
Взяли изъ жизни и нѣжность, и звонъ.
Бросили на земь. Топтали и били.
Пили. Растлили. И выгнали вонъ.

Долго плясала деревня хмельная.
Жгла и ходила смотрѣть на огонь.
И надрывалась отъ края до края
Хриплая, злая, шальная гармонь.

Городъ былъ тоже по-новому веселъ.
Стекла дырявилъ и мраморъ дробилъ.
Ночью въ предмѣстьяхъ своихъ куралесилъ,
Братьевъ готовилъ для братскихъ могилъ.

Жили, какъ свиньи. Дрожали, какъ мыши
Грызлись, какъ злые, голодные псы.
Строили башню, все выше и выше,
Непревзойденной и строгой красы.

Были рабами. И будутъ рабами.
Сами воздвигнуть. И сами сожгутъ.
Господи Боже, свершишь ли надъ нами
Страшный, послѣдній, обѣщанный Судъ?!

КОНСТАНТИНОПОЛЬ.

1.

Мнѣ говорили: все промчится.
И все течетъ. И все вода.
Но городъ — сонъ, который снится,
Приснился міру навсегда.

2.

Лаванда, амбра, запахъ пудры,
Чадра, и феска, и чалма.
Страна, гдѣ подданные мудры,
Гдѣ сводятъ женщины съ ума.

Гдѣ отъ зари и до полночи
Передъ душистымъ наргиле,
На ткань ковра уставя очи,
Сидятъ народы на землѣ
И славятъ мудраго Аллаха,
Иль, совершивъ святой намазъ,
О бранной славѣ падишаха
Ведутъ медлительный разсказъ.
Гдѣ любятъ нѣжно и жестоко
И, непремѣнно, въ нишахъ бань.
Пока не будетъ гласъ Пророка:
Селимъ, довольно. Перестань.

3.

О, бредъ проѣзжихъ беллетристовъ,
Которымъ самъ Токатліанъ,
Метръ-д'отель и другъ артистовъ,
Давалъ и деньги, и кальянъ!

Онъ ѳиміамъ курилъ Фарреру,
Сулилъ безсмертіе Лоти,
И Клодъ Фарреръ, теряя мѣру,
Сбивалъ довѣрчивыхъ съ пути.
А было просто! — Что окурокъ,
Подъ сточной брошенный трубой,
Еще дышалъ послѣдній турокъ,
Почти расплюснутый судьбой.
И турка бѣднаго призвали
И онъ предъ судьями предсталъ
И золотымъ перомъ въ Версали
Взмахнулъ и что-то подписалъ.
Покончивъ съ расой безпокойной
И заглушивъ гортанный гулъ,
Толпою жадной и нестройной
Европа ринулась въ Стамбулъ.
Мѣнялы, гиды, шарлатаны,
Парижскихъ улицъ мать и дочь,
Французской службы капитаны,
Британцы, мрачные какъ ночь.

Кроаты въ лентахъ, сербы въ бантахъ,
Какой-то Нью-Фандлэндскій сэръ,
Поляки въ новыхъ аксельбантахъ
И итальянскій берсальеръ,
Малайцы, негры и ацтеки,
Народы, сданные на сломъ,
Темнооливковые греки,
Армяне съ собственнымъ посломъ,
И кучка русскихъ съ бывшимъ флагомъ
И незатѣйливымъ Освагомъ.
Таковъ былъ пестрый караванъ,
Пришедшій въ лоно мусульманъ.
Въ землѣ ворочалися предки,
А надъ землей былъ стонъ и звонъ.
И сорокъ двѣ контръ-развѣдки
Вѣнчали новый Вавилонъ.
Консервы, горы шоколада,
Монбланы безопасныхъ бритвъ,
И крикъ ословъ... — и, вотъ, награда
За годы сумасшедшихъ битвъ!

Какой-то гидъ изъ бывшихъ нѣмцевъ
Толпѣ бездарныхъ чужеземцевъ
За два піастра, вверхъ и внизъ,
Покажетъ Бахче и Ильдызъ.
А ночь прійдетъ, — поютъ дѣвицы,
Огнями свѣтятся Petits-Champs.
И въ километрѣ отъ столицы
Спокойно рѣжутъ христіанъ.

4.

Еще дрожитъ въ водѣ Босфора
Рѣзной и четкій минаретъ.
И муэдзинъ поетъ, что скоро
Придетъ на землю Магометъ.
Но, сынъ расхватанной Россіи,
Не вѣрю я, Аллахъ, прости,
Ни Магомету, ни Мессіи,
Ни Клодъ Фарреру, ни Лоти!

ЖИРОНДА.

Три года царствуютъ ослы,
И пусть, ослы и не Ликурги,
У нихъ есть въ Англіи послы
И два балета въ Петербургѣ.
У нихъ — и армія и флотъ,
Краса и гордость революцій.
У нихъ — Путиловскій заводъ,
Сей собирательный Конфуцій.
А ихъ вліяніе на умы!
Умѣнье властвовать и править!
Что можемъ — я, и вы, всѣ мы

Упорству ихъ противоставить?!
На протяженьи этихъ лѣтъ
Сердца, готовыя проснуться,
Какой писатель, иль поэтъ
Заставилъ въ мукѣ содрогнуться?
Болтунъ прiѣзжiй въ кабачкѣ,
Поклонникъ собственныхъ разсказовъ?
Или, въ потертомъ пиджачкѣ,
Опять, Алеша Карамазовъ?!
А мы, безсильные помочь,
Копили желчь свою упрямо
И повторяли день и ночь:
Россiя — яма, яма, яма.
Петлюра, гетманъ, дьяволъ, чортъ!
При каждомъ рявканiи пушки
Мы лѣзли толпами на бортъ,
На паровозы и въ теплушки.
И что везли? Холопскiй гнѣвъ
Лишенныхъ собственнаго крова,

И утѣшеніе, что Левъ
Не Троцкій Левъ, а Троцкій Лева!
Четвертый годъ холодной мглы.
Четвертый годъ — одно и тоже.
Произведи насъ хоть въ ослы.
О, Боже, милостивый Боже!

СВЕРШИТЕЛИ.

Расточали каждый часъ.
Жили скверно и убого.
И никто, никто изъ насъ
Никогда не вѣрилъ въ Бога.

Ахъ, какъ было все равно
Сердцу — въ царствіи потемокъ!
Пили красное вино
И искали Незнакомокъ.

Возносились въ облака.
Пережевывали стили.
Да про душу мужика
Столько словъ наворотили,

Что теперь еще саднитъ,
При одномъ воспоминаньи.
О, Россія! О, гранитъ,
Распылившійся въ изгнаньи!

Ты была и будешь вновь.
Только мы уже не будемъ.
Про свою къ тебѣ любовь
Мы чужимъ разскажемъ людямъ.

И, пріявъ пожатье плечъ,
Какъ отвѣтъ и какъ расплату,
При невѣрномъ блескѣ свѣчъ
Отойдемъ къ Іосафату.

И потомкамъ въ глубь вѣковъ
Предадимъ свой жребій русскій:
Прахъ ненужныхъ дневниковъ
И Гарнье — словарь французскій.

ВСЕЛЕНСКІЯ ХЛОПОТЫ.

Мы всюду искали святую Каабу.
Мы всѣ увѣряли вполнѣ откровенно
Навзрыдъ голосившую тульскую бабу,
Что ейный кормилецъ — защитникъ Лувэна.

Британія?! — Богъ мой, дорогу Гладстонамъ!
Италія?! — Ясно! Спасемъ Капитолій!
А сами ужъ керенки мяли со стономъ,
Да лузгали сѣмячки волей-неволей.

— За синею птицей, за спящей царевной!
Во-истину, былъ этотъ путь многотруденъ.
То русскій мужикъ умираетъ подъ Плевной,
То къ чорту въ болото увяжется Рудинъ.

А какъ умилялись Венерой Милосской!
Шалѣли и млѣли отъ всѣхъ мемуаровъ.
И три поколѣнья плохой папиросой
Дымили у бѣдной стѣны Коммунаровъ.

И все для того, чтобъ въ конечномъ итогѣ,
Прослывъ сумасшедшей, святой и кликушей,
Лежать въ сторонѣ отъ широкой дороги
Огромной, гніющей и косною тушей.

ЭДЕМЪ.

Made in Russia.

Разстрѣливаютъ щедро и жестоко.
Казнятъ за ять. И воспѣваютъ трудъ.
Интеллигенція разучиваетъ Блока
И пишетъ на машинкахъ Ундервудъ.

Все силятся получше и покраше
Господніе дары размалевать.
Послалъ-бы я ихъ къ чортовой мамашѣ!
Да совѣстно... хоть чортова, а мать.

ЧЕСТНОСТЬ СЪ СОБОЙ.

«Черезъ двѣсти-триста лѣтъ жизнь будетъ невыразимо прекрасной».

Чеховъ.

Россію завоюетъ генералъ.
Стремительный, отчаянный и строгій.
Воскреснетъ золотой имперіалъ.
Начнутъ чинить желѣзныя дороги.
На площади воздвигнутъ эшафотъ,
Чтобъ мстить за многолѣтіе позора.
Потомъ произойдетъ переворотъ
По поводу какого-нибудь вздора.
Потомъ... придетъ конно-гвардейскій полкъ:
Чтобъ окончательно Россію успокоить.
И станетъ населеніе, какъ шелкъ.
Начнетъ пахать, ходить во храмъ, и строить.

Набросятся на хлѣбъ и на букварь.
Озолотять грядущее сіяньемъ.
Какая-нибудь новая бездарь
Займется всенароднымъ покаяньемъ.
Эстетовъ расплодится, какъ собакъ.
Всѣ станутъ жаждать: наслажденій жизни.
Въ газетахъ будетъ полный кавардакъ
И ежедневная похлебка объ отчизнѣ.
Ну, хорошо. Пройдутъ десятки лѣтъ.
И Смерть прійдетъ и тихо скажетъ: баста.
Но тѣ, кого еще на свѣтѣ нѣтъ,
Кто будетъ жить — такъ, лѣтъ черезъ полто-
раста,
Проснутся-ли въ плѣнительномъ саду
Среди святыхъ и нестерпимыхъ свѣтовъ,
Чтобъ дни и ночи въ сладостномъ бреду
Твердить чеканные гекзаметры поэтовъ,
И чувствовать біенія сердецъ.
Которыя не вѣдаютъ печали,
И повторять: «О, братъ мой. Наконецъ!

Недаромъ, наши предки пострадали!»
Н-да-съ. Какъ сказать... Я напрягаю слухъ,
Но этихъ словъ въ вѣкахъ не различаю.
А, вотъ, что изъ меня начнетъ расти лопухъ,
Я — знаю.
И кто порукою, что вѣренъ идеалъ?
Что станетъ человѣчеству привольно?!
Гдѣ мѣра сущаго?! — Грядите генералъ!..
На десять лѣтъ! И мнѣ, и вамъ — довольно!

ОЧЕНЬ ПРОСТО.

Дипломатъ, сочиняющій хартіи,
Секретарь политической партіи,
Полномочный министръ Эстоніи,
Представитель великой Ливоніи,
Президентъ мексиканской республики,
И актеръ безъ театра и публики,
Петербургская барыня съ дочками,
Эмигрантъ съ нездоровыми почками,
И директоръ трамвая бельгійскаго,
Всѣ... хотятъ возрожденья россійскаго!
И, поэтому, нужно доказывать,
Распоясаться, плакать, разсказывать
Объ единственной въ мірѣ возлюбленной,
Распростертой, распятой, загубленной,

Прокаженной и смрадной уродинѣ,
О своей незадачливой родинѣ,
Гдѣ теперь, въ эти ночи пустынныя,
Пахнуть горечью травы полынныя,
И цвѣтуть, и томятся, и маются.
По сырой, по землѣ разстилаются.

ПИСАНАЯ ТОРБА.

Я не могу желать отъ генераловъ,
Чтобъ каждый разъ, въ пороховомъ дыму,
Они республиканскихъ идеаловѣ
Являли прелести. Кому? и почему?!

Когда на смерть уходитъ полкъ казацкій,
Могу-ль хотѣть, чтобъ каждый, на конѣ,
Припоминалъ, что думалъ Златовратскій
О пользѣ просвѣщенія въ странѣ.

Есть критики: имъ нужно до-зарѣзу,
Я говорю объ этомъ, не смѣясь,
Чтобъ даже лошадь ржала марсельезу,
Въ кавалерійскую атаку унося́сь.

Да совершится все, что неизбѣжно:
Не мы творимъ исторію вѣковъ.
Но какъ возвышенно, какъ пламенно, какъ нѣжно —
Молюсь я о чумѣ для дураковъ!

ЛЮБИТЕЛИ БЕЗКРОВНОЙ И СВЯТОЙ.

Я не боюсь возставшаго народа.
Онъ отомститъ за годы слѣпоты
И за твои бубенчики, Свобода,
Рогатиною вспоретъ животы.

Онъ будетъ правъ, какъ темная лавина,
Которая несется съ высоты.
И въ пламени послѣдняго овина
Погибнутъ книги, люди и скоты.

Я не боюсь, что всѣ Наполеоны
Зальютъ свинцомъ разинутые рты.
Что вылѣзутъ изъ норъ хамелеоны
И хищные, хрустящіе кроты.

Такъ быть должно. И такъ уже бывало.
Гроза смететъ опавшіе листы.
И будетъ день. И будетъ все сначала.
И новый садъ. И новые цвѣты.

Но я боюсь, что два приватъ-доцента,
Которые съ Республикой — на ты,
И полтора печальныхъ декадента,
И Клара Львовна, дѣвушка мечты,

Они начнутъ юлить и извиваться
И, вдругъ, поджавъ унылые хвосты,
Попробуютъ ворчать и добиваться
Прощенія... во имя *Красоты*!

Ихъ шопотъ будетъ бѣденъ и нескладенъ.
Но онъ внесетъ ненужность суеты
Въ торжественность безмолвныхъ перекла-
динъ
Подъ небомъ величавой пустоты.

ПОСЛѢ ВСЕГО.

Ну, итакъ, господа отрицатели,
Элегантные циники, скептики,
Извергатели словъ, прорицатели,
Радикалы съ прохвостинкой, критики,

Псалмопѣвцы грядущей республики.
Забіяки, танцоры на кладбищѣ,
И любимцы почтеннѣйшей публики,
Что-жъ теперь вы довольны, не правда-ли?!

Развѣ вы не твердили, что истина
Возсіяетъ, какъ солнце горящее
Надъ холодными тундрами Сѣвера,
Если въ тундрахъ созвать предпарламенты?!.

Ахъ, вы все геніально предвидѣли,
Расторопные чижики-пыжики,
Талейраны изъ города Винницы,
Постояльцы и вѣчные дачники!

Торжествуйте-же вы, предсказатели,
Игрецы на затѣйливыхъ дудочкахъ,
Всероссійская голь перекатная
Безъ души и безъ роду, безъ племени.

Только тише ходите по улицамъ,
Не болтайте въ трамваяхъ, въ кондитерскихъ,
Притворяйтесь бразильцами, чехами,
Но — ни слова о томъ, что вы русскіе!..

Ибо третьяго дня, иль четвертаго
Мы имѣли хоть призракъ отечества,
И за смутную тѣнь полуострова
Насъ терпѣли консьержи съ консьержками.
А сегодня...

О, Господи праведный!
Объ одномъ я молю Тебя, Господи!
Сдѣлай такъ, чтобъ не слышалъ я жалобы
Недержателей рѣчи риѳмованной,

Ибо горше, чѣмъ тупость противниковъ,
Вопіющая пошлость соратниковъ!
Ибо нѣсть отъ друзей избавленія,
Аще нѣсть Твоего повелѣнія.

БИБЛЕЙСКІЙ СЛУЧАЙ.

Уже эпохъ былъ ясенъ переломъ.
Опутанная, скованная зломъ,
Кружилась сумасшедшая планета.
И ужъ не разъ разгнѣванный вулканъ
Грозилъ разъять Великій океанъ
Зловѣщаго, опаловаго цвѣта.

Уже земля качалась на Вѣсахъ.
И возникали въ блѣдныхъ небесахъ
Послѣдніе кровавые закаты.
А ночью упадали съ высоты,
Похожіе на рѣдкіе цвѣты,
Горящіе сафиры и агаты.

И слышенъ былъ на цѣлый материкъ
Граничившій съ истерикою крикъ
Великаго безумца Эдиссона.
Но міръ тѣней на зовъ не отвѣчалъ.
И серпъ луны несчастье предвѣщалъ.
И въ томъ году не выбрали Вильсона.

Еще — не могъ Всевышній претерпѣть,
Что стали размножаться и наглѣть
Какія-то республики латгальцевъ.
И бысть отмщенъ многоголовый грѣхъ.
И хрустнулъ міръ, какъ маленькій орѣхъ,
Раздавленный усиліями пальцевъ.

И злой оселъ, загадившій Востокъ,
На Араратъ копытъ не уволокъ
И палъ подъ гласъ Демьяновой свирѣли.
И въ ту же ночь погибли пошляки,
Писавшіе негодные стишки
О родинѣ, которой не имѣли.

ПРО БѢЛАГО БЫЧКА.

Мы будемъ каяться пятнадцать лѣтъ подрядъ.
Съ остервенѣніемъ. Съ упорнымъ сладо-
страстьемъ.
Мы разведемъ такой чернильный ядъ
И будемъ льстить съ такимъ подобострастьемъ
Державному Хозяину Земли,
Какъ говоритъ крылатое рѣченье,
Что насъ самихъ, распластанныхъ въ пыли,
Стошнитъ и, даже, вырветъ въ заключенье.
Мы станемъ: чистить, строить и тесать.
И — сыпать рожь въ прохладный зѣвъ амба-
ровъ.
Славянской вязью вывѣски писать

И вожделѣть кипящихъ самоваровъ.
Мы будемъ ненавидѣть Кременчугъ:
За то, что въ немъ не собиралось вѣче.
Намъ станетъ чуждъ и непріятенъ югъ
За южныя неправильности рѣчи.
Зато, какой-нибудь Валдай или Торжокъ
Внушатъ немалые восторги драматургамъ.
И умилитъ насъ каждый пирожокъ
Въ Клину, между Москвой и Петербургомъ.
Такъ протекутъ и такъ пройдутъ года:
Корявый зубъ поддерживаетъ пломба.
Наступитъ миръ. И только иногда
Взорвется освѣжающая бомба.
Потомъ опять увязнетъ ноготокъ.
И станетъ скученъ самоваръ московскій.
И лихача, ватрушку и Востокъ
Нежданно выбранитъ Димитрій Мережковскій.
Потомъ... О, Господи, Ты только вездѣсущъ
И воленъ надо всѣмъ преображеньемъ!
Но, чую, вновь отъ бѣловѣжскихъ пущъ

Пойдетъ начало съ прежнимъ продолженьемъ.
И вкругъ оси опишетъ новый кругъ
Исторія, бездарная, какъ бубликъ.
И вновь на линіи Вапнярка-Кременчугъ
Возникнетъ до семнадцати республикъ.
И чье-то право обрѣсти въ борьбѣ
Конгрессъ Труда попробуетъ въ Одессѣ.
— Тогда, о, Господи, возьми меня къ Себѣ,
Чтобъ мнѣ не быть на трудовомъ конгрессѣ!

ФИЛОСОФИЧЕСКІЯ СТРОКИ.

Возвращается вѣтеръ на круги своя.
Не шумятъ возмущенныя воды.
Повторяется все, дорогая моя,
Повинуясь законамъ природы.

Расцвѣтаетъ сирень, чтобъ осыпать свой цвѣтъ.
Гибнетъ плодъ, красотой отягченный.
И любимой — поэтъ посвящаетъ сонетъ,
Уже трижды другимъ посвященный.

Все есть отблескъ и свѣтъ. Все есть отзвукъ и звукъ.
И, внимая рѣчамъ якобинца,

Я предчувствую, какъ его собственный внукъ
Возжелаетъ наслѣднаго принца.

Ибо все на землѣ, дорогая моя,
Происходитъ, какъ сказано въ пѣснѣ:
Возвращается вѣтеръ на круги своя.
Возвращается, крошка, хоть тресни!

ВСЕ ТЕЧЕГЪ.

Трижды правъ Гераклитъ древне-греческій:
Все течетъ. Даже вздоръ человѣческій,

Даже золото скипетровъ царственныхъ,
Даже мудрость мужей государственныхъ,

Даже желчь, что толкаетъ повѣситься —
При сіяніи блѣднаго мѣсяца...

II.

Безкрылые дни.

ПАРИЖЪ.

1.

Горячій бредъ о томъ, что было.
И ураганъ прошедшихъ лѣтъ.
И чья-то бѣдная могила.
И чей-то милый силуэтъ.
И край, при мысли о которомъ
Стыдомъ, печалью и позоромъ
Переполняется душа.
И ты, которая устало
Въ мѣхахъ московскихъ утопала,
Красою строгою дыша.
И домъ, и скрипъ зеленой ставни.
И блескъ оконнаго стекла.
И сонъ, и давній, и недавній.

И жизнь, которая текла.
И нѣжность всѣхъ воспоминаній,
И мудрость радости земной.
И все, что было ранней-ранней
Неповторимою весной.
И то, чѣмъ жизнь была согрѣта
И отъ чего теперь пуста,
Я все сложилъ у парапета
Рѣзного Сенскаго моста.

2.

Не ты ли сердце отогрѣешь
И, обольстивъ, не оттолкнешь?!
Ты легкимъ дымомъ голубѣешь
И ты живешь и не живешь.
Ты утончаешь всѣ движенья,
Облагораживаешь быль.
И вѣчно ищешь достиженья,
Чтобъ расточить его, какъ пыль.

Созрѣвшій, сочный и осенній,
Прикосновеній ждущій плодъ,
Ты самый юный и весенній,
Какъ твой поэтъ, какъ твой народъ .
Латинскій городъ, гдѣ кираса
Не уступаетъ канотье.
Гдѣ стансы Жана Мореаса
Возникли въ сумеркахъ Готье.
Гдѣ подъ часовенкой старинной
Дряхлѣетъ сердце короля.
Гдѣ сумасшедшею лавиной
Чрезъ Елисейскія поля
Въ Булонскій лѣсъ, зеленый воротъ,
Стѣсненный пряжкой Этуаль,
Летитъ, несется, скачетъ городъ, —
Одна пѣвучая спираль.

3.

И я съ тобою, гость случайный,
Бѣгу, чтобъ только превозмочь

Мою окутанную тайной
И неизвѣстностію ночь.
Чтобъ размотать на конусъ пиній
Тоскливыхъ думъ веретено,
Чтобъ выпить этотъ вечеръ синій,
Какъ пьютъ блаженное вино.
Благословить моря и сушу
И домъ чужой, и отчій домъ,
И расточить больную душу
Въ прозрачномъ воздухѣ твоемъ.

ПОЭМА О ГАЛСТУКАХЪ.

Стекло и мѣдь. Въ мерцаніи витринъ
Поютъ шелка, которымъ нѣтъ названья.
Въ нихъ собраны сокрытыя желанья
И всѣ цвѣта! Пустой аквамаринъ.
Рубинъ, огонь нетлѣннаго пыланья.
И синій цвѣтъ, — любимый цвѣтъ Орканья.
И розовый, какъ цвѣтъ Бургундскихъ винъ.

Оранжевый, какъ свѣтлый мараскинъ.
И бронзовый, какъ древо увяданья.
Зеленый, какъ блаженная Кампанья.
И пепельный, какъ серебро сѣдинъ.
И черный цвѣтъ, печальный цвѣтъ незнанья.
О, галстуки, поющіе безъ словъ,
Роняющіе пламенные вздохи!

Вся суета, весь тлѣнъ моей эпохи,
И свистъ гранатъ ея, и шумъ ея баловъ,
И все, что создано, и распылилось въ крохи,
Поетъ безъ словъ и расточаетъ вздохи.

И я, пріѣхавшій изъ сѣверной страны,
Зачеркнутой на Европейской картѣ,
Я созерцаю васъ въ убійственномъ азартѣ,
Но знаю, что и вы обречены.

Чтобъ разметать дразнящую красивость,
Чтобъ растоптать великолѣпный грѣхъ,
Васъ соберетъ Святая Справедливость,
Которая уравниваетъ всѣхъ.
И васъ сожгутъ въ какой-нибудь Вандеѣ,
Сравнявъ бугоръ съ сентябрьскою землей,
И облекутъ намыленныя шеи
Общедоступною веревочной петлей.

КОЛЫБЕЛЬНАЯ.

«Спи, мой, мальчикъ,
спи мой чижъ .
Саша Черный

Спи Данилка. Спи мой чижъ.
Вотъ и мы съ тобой въ Парижъ,
Что-бъ не думали о насъ,
Прикатили въ добрый часъ.

Тутъ мы можемъ жить и ждать,
Не бояться, не дрожать.
Здѣсь — и добрая Sainte Vierge,
И консьержка и консьержъ,
И жандармъ съ большимъ хвостомъ,
И республика притомъ.

Это, братецъ, не Москва,
Гдѣ на улицахъ трава.
Здѣсь асфальтъ, а въ немъ газонъ,
И на все есть свой резонъ.

Вишь, какъ въ самое нутро
Ловко всажено метро,
Мчится, лязгаетъ, грызетъ,
И бастуетъ — и везетъ.

Значитъ, нечего тужить.
Будемъ ждать и будемъ жить.
Только чѣмъ?! Ну что-жъ, мой чижъ,
Вѣдь, на то онъ и Парижъ,
Городъ-свѣточъ, городъ-свѣтъ.
Есть тутъ русскій комитетъ.
А при немъ бюро труда.
Мы пойдемъ съ тобой туда
И заявимъ: — «Я и чижъ
«Переѣхали въ Парижъ.

«Онъ и я желаемъ ѣсть.
«Что у васъ въ Парижѣ есть?!»

Ну, запишутъ, какъ и что.
Я продамъ свое пальто
И куплю тебѣ бананъ,
Саблю, хлыстъ и барабанъ.
День пройдетъ. И два. И пять.
Будемъ жить и будемъ ждать.

Будемъ жаловаться вслухъ,
Что сильнѣе плоть, чѣмъ духъ,
Что до Бога высоко,
Что Россія далеко,
Что Данилка и что я —
Двѣ песчинки бытія
И что скоро гдѣ-нибудь
Насъ положатъ отдохнуть
Не на часъ, а навсегда,
И за счетъ бюро труда.

«Здѣсь лежатъ отецъ и чижъ,
И напишутъ: «Знай, Парижъ!
«Неразлучные друзья,
«Двѣ песчинки бытія,
«Двѣ пылинки, двѣ слезы,
«Двѣ дождинки злой грозы,
«Прошумѣвшей надъ землей,
«Тоже бѣдной, тоже злой».

НЕПОБѢДИМОЕ.

Сижу въ золотомъ Тюильрійскомъ саду
    И съ грустью вздыхаю о многомъ.
О томъ, что нельзя мнѣ играть въ чехарду
    Предъ этимъ безнравственнымъ богомъ.

О томъ, что истлѣлъ знаменитый артистъ,
    А богъ неподвиженъ, какъ прежде.
О томъ, что косится на фиговый листъ
    Старушка въ напрасной надеждѣ.

О томъ, что и я, и monsieur Клемансо
    Порукою связаны прочной.
Онъ грузно вращаетъ судьбы колесо,
    А я — свой хребетъ позвоночный.

О томъ, что и надо-же такъ угодить,
Чтобъ... трижды роняю по вздоху,
Позволить себя безконтрольно родить
Въ такую шальную эпоху!..

Куда мнѣ идти? И куда я пойду?
Анелька... Деревня... Россія...
Какъ много гвоздикъ въ Тюильрійскомъ саду!
И всѣ онѣ тоже чужія.

ЗАСТИГНУТЫЕ НОЧЬЮ.

«Я поздно всталъ. И на дорогѣ
Застигнутъ ночью Рима былъ».
Тютчевъ.

Живемъ. Скрипимъ. И медленно сѣдѣемъ.
Плетемся переулками Passy.
И скоро совершенно обалдѣемъ
Отъ способовъ спасенія Руси.
Вокругъ шумитъ Парижъ неугомонный,
Творящій, созидающій, живой.
И съ башни, кружевной и вознесенной,
Слѣдитъ за умирающей Москвой.

Онъ вспоминаетъ молодость шальную,
Веселую работу гильотинъ

И жизнь свою, не эту, а иную,
Которую прославилъ Ламартинъ.

О, зрѣлость достигается вѣками!
Исторія есть мельница боговъ.
Они неторопливыми руками
Берутъ изъ драгоцѣнныхъ закромовъ.
Покорствуя величественной волѣ,
Раскиданныя зернышки Руси,
Мы очередь получимъ въ перемолѣ,
Дотолѣ обрѣтаяся въ Passy.

И нѣкто, не родившійся, родится.
Серебряными шпорами звеня,
Онъ сядетъ на коня — и насладится:
Покорностью народа и коня.

Проскачутъ адъютанты и курьеры.
И лихо заиграютъ трубачи.
Румяные такіе кавалеры.
Веселые такіе усачи.

Досадно будетъ сложеннымъ въ могилѣ,
Ахъ, скучно будетъ зернышкамъ Руси...
Зачѣмъ-же мы на диспуты ходили
И чахли въ переулочкахъ Passy!

ПАНТЕОНЪ.

1.

Здѣсь погребенъ monsieur Израильсонъ.
Онъ покупалъ по случаю бриллиянты
И твердо вѣровалъ, что президентъ Вильсонъ
Окажется рѣшительнѣй Антанты.
Но падалъ франкъ. Летѣла марка внизъ.
Вода Виши не помогла желудку.
И умеръ онъ, умученный отъ визъ,
Любя Россію вопреки разсудку.

2.

Молодой человѣкъ. Изъ хорошей семьи.
Основатель Бюро переводовъ.
Умеръ честно. Одинъ. Безъ хорошей семьи.
На глазахъ европейскихъ народовъ.

3.

Вся жизнь его прошла въ мечтахъ.
Онъ шибко жилъ и умеръ быстро.
Покойся мирно, бѣдный прахъ
Дальневосточнаго министра!..

4.

Здѣсь погребенъ веселый щелкоперъ.
Почти поэтъ, но не поэтъ, конечно.
Среди планетъ безпечный метеоръ,
Чей легкій свѣтъ проходитъ быстротечно.
Онъ розъ и слезъ почти не рифмовалъ.
Но, со слезой вздыхая о Россіи,
Стихію онъ всегда предпочиталъ
Соблазну полнозвучія Мессіи.
Онъ могъ-бы и безсмертіе стяжать.
Но на-ходу напишешь развѣ книжку?!
А онъ бѣжалъ. И онъ усталъ бѣжать.
И добѣжалъ до кладбища въ припрыжку.

РЕСПУБЛИКАНСКІЕ ВОСТОРГИ.

Какъ не стать республиканцемъ
Въ чудномъ городѣ Парижѣ,
Гдѣ, по щучьему велѣнью,
Снятся сладостные сны?
Какъ не стать республиканцемъ,
Если только стать поближе
Къ молодому поколѣнью
Этой вѣтренной страны?!

Какъ легко и вольно дышатъ
Эти дѣти и не дѣти,
Расточающія въ Вѣчность
И начала и концы.

Если въ небѣ только слышать,
То въ божественномъ совѣтѣ
Имъ присудятъ Безконечность
И Безсмертія вѣнцы.

Тамъ — гдѣ нѣмецъ углубляетъ,
Англичанинъ хмуритъ брови,
Закипаетъ итальянецъ
И кичится славянинъ,
Тамъ сверкаетъ и играетъ
Каждой каплей галльской крови
Съ юныхъ дней республиканецъ.
Съ колыбели гражданинъ!

Пусть брюзжатъ соціалисты,
Пусть ужасно недоволенъ
Всѣхъ земныхъ конфедерацій
Генеральный секретарь.
Пусть во гнѣвѣ роялисты
Съ монастырскихъ колоколенъ

Предвѣщаютъ гибель націй,
Эта жалкая бездарь!

Ибо толща и консьержи,
И хозяйки пансіоновъ,
Мелкихъ лавочниковъ форумъ,
Каждый зябликъ и куликъ,
Фаммъ-де-шамбры, демивьержи
И десятки милліоновъ,
Всѣ кричатъ согласнымъ хоромъ :
Vive ,хоть тресни, République!

И, взглянувъ на дѣло шире,
Развѣ маленькая сошка
Всей исторіи моменты
Сотворила не сама?!
Гдѣ еще въ подлунномъ мірѣ
Изъ вагоннаго окошка
Вылетаютъ президенты
Въ полосатыхъ пижама?!

Гдѣ еще легко и нѣжно,
Какъ слабительное средство,
О преемственности власти
Мудрый дѣйствуетъ законъ?!
Гдѣ, такъ просто и небрежно,
Драгоцѣнное наслѣдство,
То, которое отчасти
Создавалъ Наполеонъ,

Пококетничавъ съ минутку
Передъ публикой плебейской,
Принимаетъ крѣпкій дядя,
Сдѣлавъ дамамъ реверансъ,
И идетъ, роняя шутку,
Во дворецъ свой Елисейскій,
И толпа, съ восторгомъ глядя,
Возглашаетъ: Vive la France!

И опять автомобили
Сотрясаютъ мостовыя,

И на улицѣ мальчишки
Издаютъ веселый свистъ.
Никого не застрѣлили.
Всѣ, по-прежнему, живые.
И на Эйфелевой вышкѣ
Господинъ телеграфистъ

Точно, ясно и безстрастно
Сообщаетъ неуклонно
Въ Конго, въ Чили и въ Уэльсы,
И во всякій пунктъ земной,
Что на свѣтѣ все прекрасно
И что нынѣ изъ вагона
Если выпадетъ на рельсы,
То не прежній, а другой...

Въ жизни каждый мигъ чудесенъ,
Если жить не среди хмурыхъ,
А межъ тѣхъ, кто легкимъ танцемъ
Исчерпалъ себя вполнѣ!

Какъ не спѣть веселыхъ пѣсенъ,
Дробь не выбить на тамбурѣ,
Какъ не стать республиканцемъ
Въ этой вѣтренной странѣ!..

O, MADELON!

Везетъ-же знаменитому Гамбеттѣ!
Кашена не положатъ въ Пантеонъ.
Да здравствуетъ неравенство на свѣтѣ
O, Madelon!

Представьте, что на мраморныя урны
Всѣмъ гражданамъ давали-бы талонъ
И номеръ на безсмертіе дежурный...
O, Madelon!

Какая это жуткая потѣха
Долбить, что былъ умнѣй Наполеонъ
Всего древообдѣлочнаго цеха
O, Madelon!

Благословенны пахари на пашнѣ.
Но развѣ тѣ, чье имя легіонъ,
Построятъ чудо Эйфелевой башни
O, Madelon!

Дай всѣмъ вкусить оливы аркадійской,
Но всѣ-ль вкусятъ и аркадійскій сонъ,
О, вѣтренница въ шапочкѣ фригійской,
O, Madelon!

ВЕЧЕРЪ.

Онъ все тотъ-же, міръ латинскій,
Танцовавшій аргентинскій
Сладострастный, томный танецъ
Въ мглѣ іюльскихъ вечеровъ,
Чтобъ, однажды, въ часъ расплаты
Возложить и шлемъ и латы,
И взвалить тяжелый ранецъ,
И зажечь огонь костровъ.

Вотъ... Какъ было ужъ однажды,
Изнывающій отъ жажды,
Отъ желанья наслаждаться,
Закружился міръ опять.
Онъ танцуетъ. Въ смертной скукѣ
Ищутъ рукъ другія руки,

Чтобъ уплыть и закачаться,
И забыться, и не стать.

Въ свѣтлыхъ залахъ, въ пышныхъ зданьяхъ
И въ большихъ каютъ-компаньяхъ,
На приморскомъ шумномъ пляжѣ
И въ притонахъ городскихъ,
Въ благородныхъ пансіонахъ,

Въ пролетающихъ вагонахъ,
И на митингахъ, и, даже,
И въ лакейскихъ, и въ людскихъ,

Задыхаясь, изгибаясь,
Въ сладкой мукѣ забываясь,
Пряча голову, какъ страусъ,
Съ темной пѣной на губахъ,
Онъ танцуетъ, міръ невѣрій,
Какъ во дни былыхъ Имперій,
Когда Вѣной правилъ Штраусъ,
А Парижемъ — Оффенбахъ.

И опять, какъ звѣрь изъ бездны,
На него глядитъ желѣзный
Призракъ Смерти неизбѣжной,
Возалкавшей новыхъ жатвъ.
Дастъ онъ знакъ. Замолкнутъ скрипки.
И застынутъ всѣ улыбки,
И слова той клятвы нѣжной,
Что невѣрнѣй всякихъ клятвъ...

И, безмолвны и суровы,
Вновь торжественныя вдовы
Черной, траурной толпою
Чрезъ вселенную пройдутъ.
И, дымясь надъ прахомъ сѣчи,
Поплывутъ простыя свѣчи
Къ золотому аналою,
Гдѣ синѣютъ и цвѣтутъ
Звѣзднымъ свѣтомъ среди ночи
Всепрощающія очи,
О которыхъ забываютъ,

Когда входятъ въ бальный залъ.
Будутъ долгія обѣдни
И слова про Судъ послѣдній,
О которомъ вспоминаютъ,
Когда бьетъ послѣдній валъ.

Гдѣ-жъ душѣ искать спасенья,
Въ чемъ ей чаять воскресенья?
Флагъ желаннаго причала,
Онъ взовьется-ль на вѣтру?!
Или вновь, чрезъ пламень адскій,
Полетитъ корабль пиратскій,
Надъ которымъ прокричала
Злая птица по-утру?!

Такъ я думалъ въ часъ вечерній,
Когда сердце суевѣрнѣй
Учащенные удары
Отбиваетъ въ тишинѣ.
Когда спитъ безгрѣшный Шурка,
Миссъ Уэльсъ и кошка Мурка,

И таинственныя пары
Въ темномъ движутся окнѣ.

Будетъ ночь. Въ сыромъ туманѣ,
Какъ въ таинственномъ романѣ
У Ксавье-де-Монтепена
Или Гектора Мало,
Острый крикъ раздастся женскій
Вдоль по набережной Сенской,
И жандармовъ тучныхъ смѣна
Опоздаетъ, какъ на зло.

Бьется сердце. Четъ и нечетъ.
Ахъ, какъ вѣтеръ рветъ и мечетъ!
По забитымъ въ небо сваямъ
Пробѣгаетъ звѣздный свѣтъ.
Тлѣютъ уголья въ каминѣ.
Въ сердцѣ холодъ, какъ въ пустынѣ.
Ничего-то мы не знаемъ.
Правда, кошка, или нѣтъ?!

СТИХИ О БѢДНОСТИ.

Не упорствуй, мой маленькій другъ,
И не гнѣвайся гнѣвомъ султанши.
Мы съ тобой не поѣдемъ на югъ.
Мы не будемъ купаться въ Ламаншѣ.

Я тебя такъ же нѣжно люблю,
Всѣ капризы готовъ исполнять я.
Но, увы, я тебѣ не куплю
Кружевного брюссельскаго платья.

Потому что... — богата ли мышь,
Убѣжавшая чудомъ съ пожара?!.
Что же ты, моя мышка, молчишь?
Или, бѣдный, тебѣ я не пара?

Не грусти. Это только — пока.
Перешей свое платье съ каймою,
То, въ которомъ, свѣтла и легка,
По Тверской ты гуляла весною.

Заскучаешь, возьму автобусъ
И до самой Мадлэнъ прокатаю!
Я, вѣдь, твой избалованный вкусъ,
Слава Богу, немножечко знаю...

Развѣ кончена жизнь уже?
Развѣ наша надежда напрасна?!
Почитай господина Мюрже,
Ты увидишь, что жизнь прекрасна.

А сознанье, что въ нашей судьбѣ
Есть какая-то мудрость страданья?!
Развѣ это не лестно тебѣ?
Развѣ мало такого сознанья?..

Жить, постигнувъ, что все — Ничего!

Видѣть міръ, превращенный въ обломки!..
Понимаешь ли ты, до чего
Намъ завидовать будутъ потомки?!

Не сердись же, мой маленькій другъ,
Не казни меня гнѣвомъ султанши.
Мы съ тобой не поѣдемъ на югъ.
Мы не будемъ купаться въ Ламаншѣ.

РЕЗОЛЮЦІЯ.

Хорошо-бы въ море бросить
Всѣхъ, кто что-то проповѣдуетъ.
Зачесать умѣло просѣдь,
Зачесать ее, какъ слѣдуетъ.
Предоставить споръ невѣждѣ,
Не вступая съ нимъ въ дискуссію.
И ухаживать, какъ прежде,
За какой-нибудь Марусею.

Не ходить встрѣчать Мессію
И его не рекламировать.
Со слезою про Россію
Ничего не декламировать.
Не скулить о власти твердой
Съ жалкимъ видомъ меланхолика.

Вообще, не шляться съ мордой
Освѣжеваннаго кролика.

Но, избравъ потверже сушу,
Все сумѣть, что юность вѣдаетъ.
И взбодрить и плоть, и душу,
И взбодрить ихъ такъ, какъ слѣдуетъ.
Предоставить споръ невѣждѣ,
Не вести ни съ кѣмъ дискуссію.
И... ухаживать, какъ прежде,
За какой-нибудь Марусею!

ЧЕРНОЗЕМНЫЕ ПОРЫВЫ.

Я въ мірѣ все, покорствуя, пріемлю.
Чтобъ самый міръ осмыслить и постичь.
Иванъ Ильичъ желаетъ сѣсть на землю.
Я говорю: садись, Иванъ Ильичъ!

По всѣмъ его движеніямъ и позамъ
Я понимаю, это — крикъ души.
Онъ говоритъ: хочу дышать навозомъ!
Я говорю: дѣйствительно, дыши!

Онъ говоритъ: я заведу корову.
Я говорю: конечно, заводи!
И, вѣря ободряющему слову,
Онъ чувствуетъ стѣсненіе въ груди.

Такъ высказаться мученику надо.
Такъ нуженъ этотъ дружескій жилетъ.
Онъ говоритъ: Представь себѣ! Канада!
Мохнатый плащъ! Ботфорты! Пистолетъ!

Я жизнь дамъ иному поколѣнью,
Я населю величественный край!...
Съ участіемъ къ сердечному волненью
Я говорю: конечно, населяй!

А черезъ часъ, безпомощнѣй сардинки,
Которая не можетъ ничего,
Онъ вновь стучитъ на пишущей машинкѣ
И куритъ такъ, что страшно за него!

РОМАНЪ СЪ БРЕТОНКОЙ

Хорошо у моря, лѣтомъ,
Быть влюбленнымъ, быть поэтомъ,
Быть преступно-молодымъ.
Жить въ избушкѣ у бретонца.
Подыматься раньше солнца,
Когда въ небѣ — синій дымъ,
Когда спитъ на бѣдномъ ложѣ,
Та, что въ мірѣ всѣхъ дороже
И прекраснѣй и милѣй.
Натянуть суровый парусъ
И разсѣчь воды стеклярусъ
Легкой лодкою своей.
Выбрать мѣсто. Сѣть закинуть.
Долго ждать. Тянуть — и вынуть,

Словно жребій золотой,
Океанскій, настоящій
Пестрыхъ рыбъ уловъ, блестящій
Многоцвѣтной чешуей!
А потомъ, при блескѣ солнца,
Плыть назадъ, къ избѣ бретонца,
И живую скумбрію,
Что, по-рыбьи, пляшетъ въ лодкѣ,
На шипящей сковородкѣ
Поднести, какъ жизнь свою,
Той, что въ мірѣ всѣхъ дороже,
Той, которая... О, Боже!
Пусто ложе! Гдѣ-жъ она?!
Гдѣ бретонка?! Богъ, иль дьяволъ!
Неужель, пока я плавалъ,
Здѣсь возился сатана?!
Жалкій, красный, какъ редиска,
Я гляжу, лежитъ записка
На французскомъ языкѣ:
«Рыбаки мнѣ надоѣли,

Неужели, въ самомъ дѣлѣ,
Счастье только въ рыбакѣ?!
Я ищу, мой другъ минутный,
Страсти болѣ сухопутной.
Всѣ вы, просто, пискари.
Если-жъ вы меня любили,
То зачѣмъ вы уходили
До разсвѣта, до зари?!.»
Вотъ ушла — и не вернется.
Гдѣ бретонка, тамъ и рвется!
Уязвленно думалъ я,
Проклиная міръ и лодку,
Ненавидя сковородку,
Гдѣ шипѣла скумбрія.

ТРУЖЕНИКИ МОРЯ.

«Ужъ небо осенью дышало»,
Уже украли покрывало
Съ террасы казино.
И вѣтеръ, въ злости безпечальной,
На крышѣ флагъ національный
Уже сорвалъ давно.
Тромбонъ, артистъ съ душой и вкусомъ,
Бродилъ съ большимъ и страшнымъ флюсомъ
На правой сторонѣ.
Уже не ждали вѣтра съ юга,
И ненавидѣли другъ друга,
И жили въ полуснѣ.
Рыжеволосая актриса
Избила туфлею Париса,
И онъ ходилъ, какъ тѣнь.

Вино, что день то было жиже.
И всѣ мечтали о Парижѣ,
Когда кончался день.
Но, общей связаны порукой,
Всѣ говорили съ тайной скукой,
Участвуя въ игрѣ:
Ахъ, все зависитъ отъ циклона.
Пройдетъ циклонъ, разгаръ сезона
Наступитъ въ сентябрѣ.
А море бѣшено кидалось,
Лизало берегъ, возвращалось,
Чтобъ закипѣть опять,
Купальню смыть на зло французу,
И на песокъ швырнуть медузу
И на пескѣ распять.
И ночью снилась небылица,
Далекій вальсъ и чьи-то лица,
И нѣжность чьихъ-то глазъ,
И ненаписанные стансы,
И трижды взятые авансы

Подъ стансы и разсказъ.
И море снилось, но другое,
Далекое и голубое,
И милый Коктэбэль.
Курьерскій поѣздъ петербургскій.
Горячій борщъ, конечно, въ Курскѣ,
И сѣверная ель.
Скорѣй, скорѣй! Ужъ Тула — справа.
Вотъ, старый Серпуховъ. Застава.
Мгновенье... и — Москва.
— «Пожа-пожалте, прокатаю»!
И вдругъ я смутно различаю
Не русскія слова.
И, слышу, снова бьетъ Париса
Рыжеволосая актриса,
Должно быть за циклонъ,
Который въ морѣ хороводитъ.
Madame! Не бейте! Все проходитъ,
И все пройдетъ. Какъ сонъ.

СЕМНАДЦАТОЕ СЕНТЯБРЯ.

Правда, странно? Что за дата?
Что случилось тамъ, когда-то,
Далеко отъ здѣшнихъ мѣстъ?
Каратыгина рожденье?
Въ Боркахъ поѣзда крушенье?
Или, просто манифестъ?!.
Нѣтъ, не то и не другое,
И не третье, а — иное.
Ну-же! Вспомните скорѣй!
Неужели вы забыли?
Неужели не любили
Вы на родинѣ своей?!
Неужели въ вашихъ венахъ
Пѣсню пѣсней сокровенныхъ

Никогда не пѣла кровь?
Неужели, даже, прежде
И ни къ Вѣрѣ, ни къ Надеждѣ
Не швыряла васъ Любовь?!
Но ужъ къ Софьѣ?! Къ вашей теткѣ,
Чьи смѣшныя папильотки
На чело роняли тѣнь, —
Въ старый домикъ на Плющихѣ,
Гдѣ и сны, и вздохи тихи,
Вы являлись въ этотъ день?!
О, конечно, вы любили.
Вы любили, но забыли
Сочетанія именъ,
Запахъ розъ, и рукъ, и платья,
Ибо все, и безъ изъятья,
Исчезаетъ въ тьмѣ временъ.
Пѣлъ рояль. Играли въ фанты.
Въ зеркалахъ мелькали банты.
И цвѣла весна въ глазахъ.
Но съ пустыни вѣтеръ грянулъ.

Вешній цвѣтъ въ поляхъ увянулъ,
Обратился въ бѣдный прахъ.
Не бросайте-жъ въ ночь изгнанья
Добрыхъ дней воспоминанья,
Ибо все, что мы хранимъ,
Только тѣни восхожденій,
Только отблескъ сновидѣній,
Смутный дымъ и легкій дымъ.

КАРНАВАЛЪ.

Ручка въ лайковой перчаткѣ
Съ тонкимъ запахомъ духовъ.
Поцѣлуй, такой же краткій,
Какъ размѣръ твоихъ стиховъ.

Синихъ молній полыханье,
Озарившихъ ночь мою.
И морозное дыханье,
То, которое я пью.

Право, этого довольно,
Чтобъ окончить путь земной
Подъ сегодняшней, фривольной,
Карнавальною луной.

Воздухъ чистъ, и небо сине.
Въ сердцѣ миръ и благодать.
Даже... Мартову въ Берлинѣ
Не хочу я зла желать.

Онъ, навѣрное, не знаетъ,
Эта высохшая тля,
Какъ внезапно расцвѣтаетъ
Сердце, небо и земля!..

СМИРЕНІЕ.

Отъ земли струится паръ.
Надъ землей плыветъ угаръ.
Легкій, дымный, голубой.
Надо мной и надъ тобой.

На каштанахъ бѣлый пухъ.
Зорче глазъ и тоньше слухъ.
Если только пожелать,
Можно многое понять.
И понять, и претерпѣть,
Если только захотѣть.

Есть такой блаженный часъ,
Когда видишь въ первый разъ,

Изумленно и любя,
И другого, и себя.

Нѣтъ свершенія во внѣ.
Я — въ другихъ. И всѣ — во мнѣ.
А надъ всѣмъ и надъ тобой
Легкій, пьяный, голубой,
Золотой весенній паръ,
Дымъ, и нѣжность, и угаръ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

I. КЪ ЗВѢЗДАМЪ! И ОБРАТНО.

Стр.

О птицахъ 7
У вратъ царства 13
Константинополь 15
Жиронда 20
Свершители 23
Вселенскія хлопоты 25
Эдемъ 27
Честность съ собой 28
Очень просто 31
Писаная торба 33
Любители Безкровной и Святой . . 35
Послѣ всего 37
Библейскій случай 40
Про бѣлаго бычка 42
Философическія строки 45
Все течетъ 47

II. БЕЗКРЫЛЫЕ ДНИ.

Стр.

Парижъ 51
Поэма о галстукахъ 55
Колыбельная 57
Непобѣдимое 61
Застигнутые ночью 63
Пантеонъ 66
Республиканскіе восторги 68
О, Madelon! 74
Вечеръ 76
Стихи о бѣдности 81
Резолюція 84
Черноземные порывы 86
Романъ съ бретонкой 88
Труженики моря 91
Семнадцатое Сентября 94
Карнавалъ 97
Смиреніе 99